

Анна Долгова

Подставная Вера депутата

«Литнет»

2024

Долгова А.

Подставная Вера депутата / А. Долгова — «Литнет», 2024

- Артем Артеемоович... Просыпаемся... Глазки открываааем... Яркий свет пробивается даже через опущенные веки. У меня нет сил их поднять, но кто-то настойчиво это требует. Даже по щекам начинает бить. - Артем Артемович, надо вырываться из пучины, - просит мужской голос. – Мы вас заждались уже. Переборщили в итоге, - говорит он кому-то с претензией. - Можно я попробую? Мне показалось, или это детский голос? - Паааапааа... Просыпаааайся... Не заставляй нас с врачом хлопать тебя по щекам еще сильнее, - раздаётся над ухом писклявый голосок. Смотрю на белое полотно. - Где я? – с трудом удается произнести. - Ты в больнице, пап! – надо мной склоняется счастливое лицо незнакомой мне рыжей девочки. - У меня нет детей.. - Есть! – заявляет девочка. - Сколько лет я пролежал в коме? - Двенадцать, пап!

© Долгова А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог. Вера	5
Глава 1. Кира	6
Глава 2. Кира	9
Глава 3. Кира	12
Глава 4. Артем	15
Глава 5. Артем	18
Глава 6. Артем	21
Глава 7. Кира	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог. Вера

Привет! Меня зовут Вера. Мне двенадцать, и я начинаю тот самый заковыристый путь взросления и становления личности. Бабушка говорит, что теперь у меня появляются обязанности и я должна стать самостоятельной. Дедушка смеется надо мной, говоря, что теперь меня уже за уши не отодрать, хотя сам никогда подобным не занимался. Не понимаю такие шутки, но семья смеется. Мама же говорит, что я становлюсь совсем взрослой, когда меня все больше начнут интересовать мальчишки и развлечения, чем учеба. Но так она говорит бабушке, когда они запираются на кухне. При мне же она старается вести себя, как обычно. Но мои первые признаки наступления пубертатного периода периодически выводят ее из эмоционального равновесия, что не заметить просто невозможно. А папа...

А папы у меня нет...

Разумеется, я знаю, что детей далеко не аист приносит, и их не в капусте находят. К этому причастны два человека. Как правило, противоположного пола. Только зачастую один из них – преимущественно это мужчина – просто не решается на перемены в жизни, предпочитая продолжить прозябать свою беспечную жизнь в компании друзей и знакомых. Так и мой папа, а точнее мужчина, имеющий отношение к моему зачатию, решил не брать на себя ответственность и пошел дальше. Моя мама не побоялась трудностей, решив родить меня. Она чувствовала поддержку от бабушки и дедушки, поэтому я практически была воспитана ими. Когда мне было пять, бабушка со слезами на глазах сказала, что я сирота, чем заставила меня волноваться. Значение этого слова я знала уже тогда, поэтому не могла уснуть, пока домой не пришла мама.

Что же касается моего отца, то я, до недавнего времени, понятия не имела, кто он и как его зовут. Фамилия у меня от мамы, а отчество от деда. Но мне, как и любому другому ребенку, очень хотелось встретиться с отцом. Встретиться и высказать ему все, что я о нем думаю! О халатном поведении ранее и об отсутствии серого вещества в голове!

Вам стало неприятно от мыслей в голове подростка?

Да. Такие мысли у меня были. Но все изменилось, когда я встретила с отцом. Я вновь стала доброй и милой девочкой, которую хвалят учителя за примерное поведение и пятерки в дневнике. Мама говорила, что расскажет мне, кто мой отец, когда я повзрослею. Зная свою маму, мне пришлось бы ждать совершеннолетия. Но нашелся человек, посмотревший на меня другими глазами. Он увидел во мне взрослую и почти сформированную личность, поэтому решил, что уже можно.

Итак! После непродолжительного с ним разговора я отправилась на поиски отца! У меня было около двух тысяч рублей, накопленных на новый велосипед, и дикое желание встретиться с отцом! Я подумала о своих родных, поэтому оставила записку, в которой четко описала свой будущий маршрут – «Еду в Москву к папе!». Не ожидала, что мой отъезд спровоцирует настоящую панику...

Но еще больше заблуждалась в своих настоящих чувствах к отцу...

Встретила я его весьма в плачевном состоянии. Ему было плохо. Не просто плохо, а очень плохо. И вот, когда рыжий мужчина в конопушках нуждался в помощи, а близких не было рядом, появилась я! Он был очень рад! (Сарказм) Больше всего была рада я! (Правда)

Мое мнение о нем сильно изменилось. А затем и он перестал дышать через раз, когда я звала его папой. Мы много смеялись, а потом пришла мама и... стало как-то не до смеха.

Впрочем, что это я вам тут все рассказываю? Читайте, и скоро сами все узнаете!

Всегда ваша Вера! Встретимся в конце истории!

Глава 1. Кира

- Кира! Кира, беда! – кричит мама в трубку в разгар рабочего дня.

От крика мамы мгновенно все похолодело внутри, а ладони, наоборот, вспотели. Даже спина покрылась испариной от того жара, в который меня бросило при слове «беда». Если мама так кричит, значит, произошло что-то действительно страшное.

- Мама, что?! – начинаю закидывать ее вопросами. – Что-то с папой?!

Первая мысль возникла, касаясь отца. У него больное сердце, поэтому даже небольшое значительное событие выльется в приступ. Значительное событие было вчера, когда мы праздновали день рождения Веры. Я, наверное, повела себя опрометчиво, пригласив на праздник Егора. Родители слегка переживают за наши отношения, делящиеся уже шесть лет. Почему мы застряли на встречах, я не понимаю. Точнее догадываюсь, но не хочу в это верить и думать об этом в принципе. Мужчины не склонны к совместному проживанию. Мой отец не в счет. Таких мужчин, как он, уже давно нет. Поэтому за него сейчас переживаю больше всего.

- С отцом все в порядке! – продолжает кричать мама в трубку, но уже со слезами. – Вера...

У меня помутнело в глазах... Вера... Если мама с криком и со слезами звонит мне, значит, Вера...

- Ч-что слу-чи-лось? – совсем не могу уже говорить.

- Вера... Она уехала..., - мама уже в истерике, а я начинаю собираться с мыслями, услышав, что моя дочь не в больнице с увечьями или того хуже.

- Куда?

- В Москву-у-у..., - мама ревет.

- Так! Стоп! – начинаю успокаивать взволнованную мать. – С чего ты это взяла?!

- Она запи-и-ску оставила-а-а...

- Какую, к черту, записку?! – страх сменился гневом, поскольку мозг отказывается сообщать.

Только через десять минут криков, слез и рыданий удалось прояснить нюансы произошедшего. Мама с папой отправились с утра на рынок. Затем заехали к тете Вале за свежими помидорами и прочими овощами, которыми она периодически снабжает родню. В итоге только к обеду родители вернулись домой. Дома обнаружили на обеденном столе записку «Еду в Москву к папе!», и поскольку о папе ей никто и ничего не говорил, меня охватывает паника, что ребенка просто выкрали. А для маскировки заставили написать ее эту записку.

Велев матери сохранять спокойствие и присматривать за отцом, влетаю в кабинет директора:

- Простите! – начинаю просто тархтеть с бешеной скоростью. – У меня проблема! Точнее беда! У меня дочь пропала.

- Как это пропала? – смотрит на меня с подозрением мужчина, даже прекратив свой важный телефонный разговор.

- Ее похитили! Из дома! На столе записка только лежит, что поехала в Москву к папе! А у нее нет никакого папы!

- Гм..., - слегка откашливается директор, - подожди, успокойся. Мы все решим.

- Егор Тимофеевич! Вы меня не слышите?! У меня дочь пропала! Мне срочно нужно бежать в полицию! – просто кричу, поскольку раздражает ситуация, что мой собеседник не понимает элементарных вещей.

- Кира, успокойся, - встает мой директор и кладет мне руки на плечи. – Я видел вчера твою дочь. Она была в прекрасном расположении духа. Праздник удался. Никаких подозрительных личностей вокруг я не видел. Может быть, она и правда к папе поехала?

Меня уже бесит спокойный тон.

- Егор, ты меня вообще слышишь? – уже тихо произношу я.

- Кира, я все слышу. Мы сейчас успокоимся и вместе поедem в полицию.

- Нет! – осеняет меня. - Я вызову полицию домой! Должны же они найти следы преступления!

- Кир, какого преступления? – ухмыляется Егор. – Вера просто решила вас всех разыграть.

Я не знаю, что отражалось в моих глазах (наверное, желание убить его), но он тут же осекся и продолжил менее пафосно:

- Ну или правда поехала в Москву к отцу.

- К какому отцу?! – опять начинаю.

Так бы мы пререкались долго, но Егор решил все прекратить и просто послушаться меня. Он вызвал сотрудников полиции на мой адрес. Вместе с ним мы поехали ко мне домой. Ждать. Я же хотела перед их приходом быстро провести свое расследование.

Уже дома обнаружила отца практически при смерти. Фельдшер скорой помощи настаивал на госпитализации, отчего отец отказывался. Мама просто плакала, периодически причитая, где же Вера и куда она могла деться.

- Написала же, что в Москву уехала, - еле проговаривает отец. – Надо и нам ехать, - пытается встать с дивана.

- Так, мужчина, - сурово говорит фельдшер, - вам сейчас нужно ехать в больницу. И как можно скорее. Я не знаю, что у вас произошло, но поверьте, вашим близким вы сейчас нужны живым и в здоровом состоянии. В противном случае им добавятся новые проблемы.

Грозный голос женщины в костюме врача приводит папу в чувство. И он соглашается уехать вместе с ними, но веля матери остаться дома, чтобы держать его в курсе событий. Мама, которая все это время просидела с ваткой, смоченной в нашатырном спирте, у носа, только послушно кивает головой.

Выпроваживаем отца, и тут же встречаем сотрудника полиции. Мне так и не удалось провести собственное расследование. Я даже с запиской не ознакомилась.

- Что случилось? – деловито спрашивает полицейский, усаживаясь за кухонным столом.

- У меня дочь пропала! Вернее ее похитили! – начинаю тараторить теперь ему.

- Кто похитил? – не глядя на меня, мужчина что-то пишет.

- Я откуда знаю.., - от его вопроса даже голос осип.

- Почему такие предположения? Вам кто-то угрожал перед пропажей? – дальше слышу монотонное.

- Нет, - оседаю на стул рядом с ним.

- Тогда почему вы решили, что ее украли? – наконец-то поднимает на меня глаза полицейский. – Сколько лет ребенку?

- Двенадцать, - отвечает быстро Егор, стоящий за моей спиной.

- Вы кто? – тут же переводит взгляд полицейский на него.

- Знакомый, - Егор даже не задумался о своей роли в моей семье.

Действительно. Просто знакомый...

- Вы мать ребенка? – смотрит мужчина в форме снова на меня, а когда я киваю утвердительно, продолжает. – Значит, ведем беседу с вами. Вы не задумывались о том, что ваша дочь могла просто заиграться с подружками?

Пока я соображала, подошла мама и протянула ту самую злосчастную записку.

- Это меняет дело, - встает деловито полицейский. – Где вещи ребенка?

Мы с ним быстро осматриваем комнату Веры. Он осматривает, а я стою в ступоре, потому как не нахожу спортивного рюкзака дочери, теплой кофты, кроссовок, а главное – денег, которые она копила на велосипед. Все указывает на побег Веры. Или как это правильно называть? Она же записку оставила...

- Так, получается, что ребенок вероятнее всего уехал в Москву к папе, - выносит вердикт полицейский, усаживаясь за письменный стол. – Кто ее папа, по какому адресу он проживает?
 - Я не могу сказать, кто он, - еле слышно произношу.
 - В каком смысле? – смотрит на меня пристально мужчина. – Не знаете, кто он?
 - Знаю, но не могу сказать, - отрицательно качая головой.
 - Женщина, не морочьте мне голову. Или вы пишете заявление о пропаже дочери, или я уйду отсюда, и вы ищите ее самостоятельно.
 - Я сама! – в душе радуюсь, что может все так легко разрешиться.
- Полицейский медленно встает и, недовольно качая головой, уходит.
- Кира.., - боится спросить меня совсем бледная мама, - а кто он? Почему ты не можешь сказать о нем. Он бандит, да?..
 - Нет, мам. Но я еду в Москву.

Глава 2. Кира

- Кир, мне нужно знать, кто отец Веры, - задумчиво произносит Егор, когда мы уже подъезжали к Москве.

Честно говоря, я была удивлена, когда он согласился поехать со мной. Но решительно заведя двигатель своего авто премиум-класса, Егор велел мне усаживаться в машину. На мое слабое, что нужно собраться в дорогу, и скорее всего длительное путешествие, практически приказал сесть в машину.

- Все купим по мере необходимости, - строго чеканит Егор, когда я скукоживаюсь на переднем пассажирском сиденье.

Ситуация вызывает во мне дежавю. А когда Егор просит рассказать от отца Веры, так двойное дежавю...

- Кир, я всегда хотел детей, но ты ставишь меня перед фактом!

Слегка психует Воронов, отвозя меня домой. Я сижу на переднем пассажирском сиденье. Рядом со мной мужчина всей моей жизни. Статный, статусный. Взрослый, способный вскружить голову любой молоденькой девчонке. Мне двадцать. И я не устояла.

Мне было всего восемнадцать, когда я пришла подрабатывать промоутером в оптику. Я только поступила в институт и мне нужны были деньги на развлечения с сокурсниками. Устраиваться куда-то официанткой или барменом – значит, обременить себя настоящим трудоустройством. С заработной платой и финансовыми обязательствами. Это сложно. Можно навредить учебе. Но самое главное – мне это не нужно.

Мои родители хорошо зарабатывали и даже могли оплатить мне учебу в институте, но я поступила на бюджет. Работая промоутером, планировала зарабатывать столько, чтобы хватило с девчонками в кафе зайти, да пиццу с лимонадом заказать. Так что ни на что большее в этой оптике не рассчитывала. Но меня попросили отработать день в качестве секретаря. Это был выходной, поэтому планировалось, что я буду работать только с дежурным менеджером. Задача – отвечать на звонки, если они будут поступать, и записывать все данные в блокнот. У менеджера немного другая задача. По стечению обстоятельств в выходной день на работу вышел сам директор оптики...

Я знала, что он существует. Знала его имя, но до того дня не видела ранее. Разлив с дежурным менеджером в чашки чай, мы сильно удивились, когда в приемную вошел мужчина. К слову сказать, менеджер даже не узнала его. Это был мужчина в светлых джинсах и белой футболке. На голове бейсболка, которая придавала ему вид тинейджера. Мужчина поздоровался и прошел к себе в кабинет. Менеджер тут же свернула все наше с ней чаепитие и велела мне занять свое рабочее место.

Я была не готова к такому повороту событий. Мне сказали, что никого не будет, поэтому можно прийти в свободной одежде. И я пришла. В легком сарафане, поскольку в мае было уже достаточно жарко. Крупные красные цветы на белом полотне привлекали взгляд. Вот и привлекли моего начальника.

- Секретарь! Зайди ко мне! – и без того напуганная, услышала угрожающее от директора.

Я не из робкого десятка, но тогда у меня просто сердце в пятки провалилось. С потными ладошками вхожу в кабинет. Мужчина уже снял бейсболку и сидел расслабленно в своем кожаном кресле. Да. Он директор не обычной оптики. У него это целая сеть. Его отделы разбросаны по всей стране. Поэтому в кабинете все роскошно и богато. Я никогда не была в таких помещениях. По просторной приемной даже не догадалась о дерзком размахе в кабинете директора.

- Как звать? – тут же спрашивает меня мужчина, не открывая глаз и не поднимая головы, которую он буквально запрокинул на спинку кресла.

- Кира.

Мой голос кажется мне не моим. Словно почувствовав и поняв это, мужчина поднимает голову и смотрит на меня с пренебрежением.

- Как? – чуть ли не брезгливостью переспрашивает.

- Кира, - уже увереннее говорю, горделиво задрал голову.

Мне почему-то становится все равно на воспитание и на уважение старших. Я терпеть не могу таких заносчивых людей. И уж тем более мне не нужно заискивать перед ним, поскольку завтра вернусь на свое место работы. На улицу. Листовки раздавать. И тогда мне тоже захотелось уйти. Поэтому я была настроена на конфликт.

- Очень хорошо, - кивает головой мужчина, меняя взгляд с пренебрежительного на усталый. – Кофе готовить умеешь?

- Могу залить кипятком растворимый, - уже с открытым вызовом.

Это было чистой правдой. Я понятия не имела, как нужно варить кофе, хотя в приемной стояла электрическая плита. Рядом с ней лежала турка. Секретарь варила директору кофе. Мы же с менеджером решили выпить по чашечке дорогого чая, взятого из запасов, предназначенных директору.

- Не, - отмахивается он, - это пойло даже пенсионер пьет с брезгливостью. Пошли, - командует он мне.

- Куда? – смотрю на него круглыми глазами, от неожиданности не в силах повернуться, когда он уже обошел меня и открывал дверь кабинета.

- Кофе попьем, - говорит так, будто ничего не происходит. – Здесь недалеко есть неплохое кафе.

- Кира! – кричит Егор, чтобы вывести меня из мыслей. – Ты слышишь меня?

Я смотрю на него и понимаю, что совсем ушла в свои мысли. Так происходит всегда, когда задумываюсь о Воронове.

О том, кто отец Веры, не знают даже мои родители. Когда я узнала о беременности, первым делом рассказала все Воронову. А тот...

- Но ты же знал, на что шел..., - практически шепчу, сидя в его машине. – У тебя уже есть дети. И ты должен был понимать, что от некоторых манипуляций мужчины и женщины появляются дети.

Воронов стал немного раздраженным, как только узнал о моей беременности. Он женат. Я об этом знала. Знала, и все равно не устояла.

- Присаживайся, - отодвигает передо мной стул директор оптики, когда мы подходим к столу в ресторане.

Я удивлена его переменам. Он вел себя галантно во всем. Сам сообщил менеджеру, что мы уходим на обед. Сам закрыл приемную. Помог мне сесть в машину, при этом везде пропуская вперед. Все его движения были четкими и решительными. Он знал, как произвести впечатление на девушку. Я – молодая и неопытная – сразу же обратила на это внимание. Все мои сокурсники, а ранее и одноклассники, даже не догадывались отодвинуть стул в кафе, приглашая девушку сесть.

- Два лате и тирамису девушке, - говорит он сразу официанту.

Я боюсь, что мне не хватит денег. С собой немного, поэтому начинаю озиаться в поисках меню.

- Успокойся, - замечает он мой беспокойный взгляд. – Я угощаю.

Это еще один факт, подкупивший меня тогда. Еще ни разу мне не доводилось ходить в кафе за счет мужчины.

- Зачем вы меня взяли с собой? – задаю вопрос напрямую. – Я должна быть на рабочем месте.

- У тебя розы на сарафane красивые, - улыбнулся мне своей ослепительной улыбкой. – Дают особенный отлив твоим карим глазам.

О Боже... Он различил цветы на моем сарафane... Он знает мой цвет глаз...

Глава 3. Кира

- Кира! Кто он?! – кричит отец, когда узнает о моей беременности. – Я его растопчу, если он на тебе не женится!

Я скрывала беременность до последнего. До последнего надеялась, что Воронов примет правильное решение. Для меня тогда правильное решение – это уйти из семьи, оставив двоих детей. Это сейчас я понимаю, что не мог он так поступить. А в двадцать лет закатывала истерики, требуя, грозя, топая ногами.

- Будешь мне угрожать, я тебя вообще без всего оставлю..., - прошипел мне Воронов однажды в лицо.

Впрочем, это была его первая и последняя угроза в мой адрес. Да и вообще наше с ним последнее общение на тот момент. Я просто перестала отвечать на звонки. Не сообщила ему, когда родила. Не сообщила, что назвала дочь Верой.

Родители смирились с моей беременностью. С беременностью и с отсутствием информации, кто виноват в произошедшем. Они были счастливы, когда родилась Вера. Отец даже извинился передо мной, что так сильно кричал и давил, пытаясь узнать, от кого я беременна. Сейчас мои родители души не чают во внучке. А вот я слегка забыла о необходимости ее воспитывать.

С тех пор, как родилась Вера, мне приходилось много учиться, чтобы закончить обучение в институте без троек. К слову, закончила я его с красным дипломом, что дало мне возможность сразу устроиться в успешную компанию. Сначала простым менеджером. Затем я дослужилась до заместителя директора. А потом меня пригласили на должность директора по маркетингу в компанию, где целых четыре лакокрасочных комбинатов. А генеральным директором предприятия является Егор. Который сейчас точно также везет меня в Москву решать проблемы с ребенком.

Дежавю... Двойное дежавю...

- Куда мы едем? – спрашиваю Воронова, когда он неожиданно является с заявлением, что все обдумал и принял решение.

- В Москву. Нужно решить вопрос с ребенком, - сухо заявляет он, а я просто скукоживаюсь от мысли, что поняла его правильно.

Уже через два часа мы въезжали в столицу. Воронов привез меня в платную клинику на прием к врачу. Пошел со мной, что вселило надежду о возможной его перемене в мыслях. Возможно, после разговора с врачом, он передумает.

- С чем вы пришли ко мне? – интересуется врач, когда мы с Вороновым садимся перед ним.

На пальце моего босса обручальное кольцо. У меня его нет. Это же сразу отметил врач, быстро окинув наши руки взглядом. Поняв, с кем он имеет дело, мужчина не стал церемониться.

- Мы беременны, - почему-то говорит за меня Воронов.

- И вы хотите избавиться от ребенка? – врач стал задавать вопросы прямо.

- Сначала я бы хотел узнать все о здоровье моей спутницы, - голос Воронова спокоен и серьезен.

Мужчины ведут разговор так, будто меня нет. Это и понятно. Я здесь просто приложение. Со мной поиграли и все. Больше не хотят иметь дела.

- Пройдите на кресло, - велит мне врач.

- Нет, - отказываюсь.

- Почему вы отказываете в осмотре? – интересуется врач.

- Потому что, что бы вы сейчас не сказали моему мужчине, решение его будет однозначным. А аборт делать я не намерена.

Врач слегка хмурится, из-за чего понимаю, что попала в точку.

- Я вас оставлю, - встает врач и выходит.

- Кира, ты зачем сейчас устраиваешь истерику? – нападает тут же на меня Воронов.

- Я не собираюсь делать аборт, - отсекаю, даже не смотря в его сторону.

- Меня ты этим к себе не привяжешь.

- И не собираюсь.

- Рассчитываешь сама растить ребенка? – слегка с ухмылкой интересуется он.

Поворачиваю к нему голову и говорю решительно:

- Нет. Но очень надеюсь, что твоя жена мне поможет.

Воронов не ожидал от меня такой дерзости, поэтому слегка прищуривается, собираясь сказать мне что-то резкое и угрожающее. Но я опережаю его:

- Свою жену ты тоже на аборт отправлял? Дважды? Так же отвозил в другой город, чтобы никто и ничего не пронюхал?

Я знаю, что у моего босса достаточно крепкая семья. В тот день, когда я заменила его секретаря, он поругался с женой, которая не захотела отпускать его с друзьями на рыбалку. Именно поэтому он пришел в офис, не желая оставаться в скандале. Но и с друзьями он никуда не поехал. Решил не обострять конфликт. Увидев меня, захотел скрасить день общением с новым человеком. Но я его зацепила...

- Ты будешь мне угрожать? – смотрит на меня с ненавистью Воронов.

- Да, - решительно заявляю. – Но только если ты будешь настаивать на аборте.

Воронов впервые в такой щекотливой ситуации. Быть может он когда-то и изменял жене, но постоянной любовницы у него никогда не было. До меня. Это сейчас я понимаю, что была просто любовницей, которая из промутера уже после кофе и тирамису перебралась в кресло секретаря на «постоянку». А тогда я считала, что у нас с ним все серьезно. Что он меня любит, что будет со мной. А когда узнала о беременности, думала, что мужчина обрадуется. Разведется с женой, и мы будем жить долго и счастливо.

Какой же я была душой...

- В предвкушении от встречи? – внезапно спрашивает Егор.

Его интонация тоже становится злой. Почему я так злю своих боссов? Скажу сразу, что это далеко не второй мой руководитель, с которым у меня закручиваются отношения. Меня так и тянет на директоров. Но только с Егором я нахожусь в продолжительных и более серьезных отношениях. Во всяком случае, родители и Вера о нем знают. Но после его вопроса возникло дикое сожаление – лучше бы они не знали ничего.

- Ты думаешь, я рада от мысли, что скоро увижу его? – решаю сама напасть на мужчину.

- Ты молчишь, когда я задаю тебе вопросы об отце твоей дочери. Это длится уже полчаса! Что я должен думать?

- Родители слушают от меня тишину более двенадцати лет, - пожимаю плечом и отворачиваюсь к окну.

Мне не хочется сейчас ругаться с Егором. Я вообще не особо хочу, чтобы он помогал мне в поисках Веры. Более того, я уверена, что его желание помочь не бескорыстно. Он просто хочет выяснить, кто же ее отец. А выдавать его личность мне совсем не хочется.

Практически сразу после рождения Веры Воронов уехал в Москву с семьей. Тогда я подумала, что он просто хочет быть подальше от меня. Но все обстояло куда хуже...

Воронов теперь депутат. Он часто мелькает в телевизоре. И к нему на козе не подъедешь. Я очень сильно переживаю за Веру. Взрослому человеку и по записи в приемные дни поговорить с ним сложно. А тут ребенок. Да еще и двенадцатилетний. Да еще и в чужом городе. Как

она сможет к нему попасть? Но раз моя дочь решилась на подобную авантюру, значит, у нее есть план.

Глава 4. Артем

- Артем Артемович, - семенит возле меня секретарь Аллочка, перебирая документы в папке, - звонили из общества детей инвалидов. Просили рассмотреть их ходатайство об оснащении центра спецоборудованием. Пандусы, пристенные поручни и прочее...

- Понятно, - тут же выхватываю у нее лист.

- Далее..., - щебечет мой секретарь. - Обращение от жителей села Марьевка, что под Москвой. Просили очистить пруд. Это единственный водоем, где дети постоянно купаются. Родители беспокоятся за возможное заражение какой-либо вредной инфекцией.

- Ясно, - забираю еще лист.

- Еще пришел запрос на помощь в проверке управляющей компании, - читает Аллочка следующий листок. - Жильцы дома жалуются на отсутствие ремонта в подъездах вот уже в течение десяти лет. Просили посодействовать и осветить данную проблему, основываясь, что они не единственные пострадавшие.

- Есть еще? - машинально интересуюсь.

- Проблема всей страны! - восклицает Аллочка, будто я не понимаю очевидных вещей.

- Можно сказать, что государственная!

- Ясно, - опять забираю очередной лист-запрос.

- Еще, Артем Артемович, просили передать, что вас приглашают на выступление русского народного ансамбля в Петушки...

- Куда?! - впервые за все время смотрю на девушку, не снижая скорости.

- В город Петушки! - Аллочка смотрит на меня, как на умалишенного. - Это во Владимирской области! Ансамбль, кстати, тоже называется «Пе-туш-ки», - смотрит она вновь в папку с документами, собираясь загрузить меня новой информацией.

- Я надеюсь коллектив ансамбля не мужской? - продолжаю смотреть на нее с подозрением.

- Нет! - отрезает девушка.

Аллочка сразу же хочет зачитать мне следующее обращение от граждан, но мы делаем поворот в приемную моего кабинета и я с силой врезаюсь в дверной косяк.

- Ууй..., - хватаюсь за лоб рукой, понимая, что довольно прилично ударился.

- Предупреждаю! Льда нет! - сразу же выпаливает Аллочка, проходя в мой кабинет, где уже сидит Пашка.

Видя, что мой друг и руководитель агитационной компании в одном лице сидит с пустым стаканом, желая уже налить себе чего-нибудь горячительного, понимаю, что реплика об отсутствии льда была адресована не мне. Становится даже обидно, что в этой компании моему лбу не уделяется ни капли внимания.

- Далее, Артем Артемович..., - начинает Аллочка громко выполнять свои обязанности, но я тут же ее прерываю.

- Алла, давай я сам, - все еще потираю ушибленный лоб ладонью.

Моему секретарю не нравится моя просьба, поэтому она с грохотом кидает папку на стол перед моим другом.

- Сразу бы так! - практически кричит девушка и выходит из кабинета, громко хлопнув дверью.

- Я бы ее уволил, - вдруг заявляет друг, развалившись в кресле, но все же отставив стакан.

- Вообще-то у меня другие мысли, - усаживаюсь в свое кресло. - Хочу сократить расходы на заработную плату сотрудникам. Поэтому задумался: кого мне убрать... Секретаря или... тебя.

Друг тут же подбирается, застегивает пиджак и начинает вести разговоры уже в деловом ключе:

- Так, Артем Артемович, не горячись. Все сейчас решим! – берет папку, брошенную гневной Аллочкой. – Так... Что тут у нас.

Паша быстро, даже не делая вид, что читает обращения, перелистывает все, и тут же закрывает папку, прихлопнув ее ладонью.

- Все это ерунда! – заявляет амбициозный друг. – Здесь сплошное бла-бла-бла и слезы простых рабочих людей. А нам нужно что-то грандиозное!

- Дай сюда папку, - требую я, но только для того, чтобы убрать ее в свой портфель вместе с обращениями, которые забрал у Аллы лично. – Что грандиозное ты предлагаешь?! Бабушку через дорогу перевести – тебя не устраивает. Так что же сделать-то? Может быть самого президента спасти?! А что? Ты его начнешь топить, а я его спасу! Грандиозное?! По-моему более чем.

Выжидающе смотрю на друга, которого сам и назначил руководителем агитационной компании. Бес попутал в тот момент. Хотя и прекрасно понимаю, что Пашка четко разбирается в заданной ему задаче. Но почему-то именно сейчас он решил пойти иным путем. Хочет, чтобы моя личность, как кандидата в депутаты, просто выстрелила. Выстрелила и сразила всех наповал!

Пашка не тушует, а сразу же находит, что ответить мне:

- Вот! Видишь, как ты правильно мыслишь!

- Ты реально хочешь утопить нашего президента? – смотрю на него настороженно.

- А почему бы и нет?! – делает изумленные глаза друг. – Заманим его к какому-нибудь водоему. Или просто столкнем в Москву-реку, когда он будет гулять по набережной. А ты будешь спасать его!

- Я плавать не умею, - напоминаю Пашке.

Друг морщится.

- Тогда нет, - мотает отрицательно головой. – Это сначала тебя нужно плавать научить. Потом учить, как держаться на воде, а затем проходить инструктаж по спасению людей... Это долго.

- Паш, - смотрю на него с недоумением, - я пошутил.

- Да?! А я взаправду принял! Ну да ладно! – отмахивается он от меня. – Важно, что ты понял ход моей мысли. Вот что-то вроде этого нам и надо!

- Ну если совсем так серьезно, давай Аллочку топить будем, - продолжаю смеяться над другом.

- А что?! Это идея! – практически подсказывает Пашка.

- Паша, давай серьезней, - говорю уже устало. – Ты видел мои шансы? Мне нужно что-то делать. Просто сверкать в телевизоре и заявлять о своих достоинствах, обещать золотые горы – уже мало. Нужно не говорить, а делать.

Паша поджимает губы, явно расстроившись отсутствию возможности легально поиздеваться над Аллочкой.

- Поехали! – заявляет он и тут же вскакивает.

- Куда? – удивляюсь его внезапному порыву.

- У тебя политические дебаты на телевидении. Ты забыл что ли?

Я действительно забыл о предстоящем мероприятии. Поэтому тут же подорвался и быстрым шагом пошел за другом.

Мы приехали строго в назначенное время. На телестудии было много народа. В том числе представителей различных организаций, желающих занять место в партии.

О том, чтобы стать депутатом, я задумывался давно. Поскольку моя компания занимается разработкой компьютерных программ, хочется немного заявить о себе. Да и не только... С

помощью государства я смогу распространить свои проекты, заработав на этом деньги. В итоге выиграют все: я получу деньги, а общество значительно упростит себе жизнь в оформлении различных документов. У меня уже есть один проект, который можно использовать в одной бюджетной организации. Скоро будет закончен второй. Пока своими разработками я оснащаю различные крупные корпорации в России и по Миру. Хотелось бы расширить область сбыта.

Выступление на телевидении, называемое дебатами, отняло добрые четыре часа. За это время было всего два перерыва, в течение которых мы не замолкали. Каждый продолжал гнуть свою линию. Один из кандидатов был особенно нервным. Он несколько раз грубил ведущему, отчего его даже попросили временно выйти из кадра.

Паша всегда был рядом. Подсказывал, как вести себя, как реагировать на выпады. Пришлось немного сложно, но я понял главное.

- Паша, - заявляю другу, как только мы выходим из телецентра, - я понял, что нам нужно добавить. Во всяком случае, в какую сторону нужно думать.

- В какую? – тут же подхватывает друг.

- Нам нужно что-то придумать для детей! – смотрю в глаза Паше, который с детьми ранее дела не имел. – Я, конечно, как и ты, далек от этого. Но ты видел, как ведущий тепло отзывался о Федорове? А что он предлагает?! Санатории детям, конкурсы с возможностью выигрыша бесплатного обучения в колледжах. А кто получает все блага? Правильно! Дети! Дети и подростки! Поэтому направь свои мозги в эту сторону!

Вижу, что друг всерьез задумался. Голова у него варит хорошо, поэтому я верю, что Пашка что-то придумает по-настоящему грандиозное.

- Так, ты думай, а я дойду до кафе, - киваю в сторону кафе, находящегося через дорогу, - кофе нам возьму. Надо взбодриться, а то всю энергию в студии оставил.

Друг только кивает. Он смотрит на меня, но не так. Будто во мне дырка. Сквозь меня. Мне даже пришлось помахать перед его глазами рукой, чтобы привлечь внимание. Но ничего не получилось. Мозг друга загружен новой идеей.

- Понятно... Думай.

Разворачиваюсь и иду к светофору, который вот-вот станет гореть красным. У меня несколько секунд, чтобы перебежать дорогу. Ждать потом полторы минуты. А столько свободного времени у меня нет. Поэтому практически несусь через дорогу. Находясь на середине, вижу, что на светофоре загорается желтый свет, но слышу детское:

- Папа!

Почему-то машинально реагирую...

- Что?! – оборачиваюсь и тут же останавливаюсь, высматривая, кто же меня позвал.

Вдруг до меня доходит, что детей у меня нет. Но поздно...

Глава 5. Артем

- Артем Артемоович... Просыпаемся... Глазки открывааем...

Яркий свет пробивается даже через опущенные веки. У меня нет сил их поднять, но кто-то настойчиво это требует. Даже по щекам начинает бить.

- Артем Артемович, надо вырываться из пучины, - просит мужской голос. – Понимаю, не хочется. Но это просто необходимо. Мы вас заждались уже. Переборщили в итоге, - говорит он кому-то с претензией. – Вот. Поддались общей панике.

- Можно я попробую?

Мне показалось, или это детский голос?

- Паааапааа... Просыпаааайся... Не заставляй нас с врачом хлопать тебя по щекам еще сильнее, - раздается над ухом писклявый голосок, отчего мои глаза мгновенно открываются.

Смотрю на белое полотно. Не сразу понимаю, что это потолок. Вокруг стены в плитке.

- Где я? – с трудом удается произнести.

- Ты в больнице, пап! – надо мной склоняется счастливое лицо незнакомой мне рыжей девочки.

- У меня нет детей, - пытаюсь противиться новым обстоятельствам.

- Есть! – заявляет девочка.

- Сколько лет я пролежал в коме? – паника начинает охватывать.

- Двенадцать, пап!

- Сколько?! – подсказываю на кровати.

В голове сумбур. Пытаюсь вспомнить вчерашний день или хотя бы то, что было накануне, если я лежал в коме. Пытаюсь понять, что со мной вообще произошло, и каким образом я оказался в больнице. При этом я истерично хватаю воздух ртом, но ничего не получается. Нормально вздохнуть не могу, отчего начинается приступ удушья. Это замечает врач и тут же меня успокаивает:

- Тихо-тихо..., - улыбается он, выставив руки перед собой, убаюкивая меня как сумасшедшего. – Никакой комы. Ничего серьезного. Ваша дочь просто шутит.

- Да, пап! – опять передо мной счастливое лицо рыженькой незнакомой девочки. – Это аллегория!

- Але... Чего? – совсем все из головы повыскакивало.

- Аллегория, пап, - улыбается девочка с двумя хвостиками и рюкзаком за плечами.

- Хватит! – пытаюсь слезть с кровати, чтобы убежать из этого дурдома. – Я не папа! У меня нет детей!

Ступаю на ногу и чувствую сильную боль во всем теле.

- Ууууй, - хватаюсь за бок и возвращаюсь назад, зажмурившись от боли.

- Артем Артемович, - подключается врач, - с вами ничего серьезного не произошло. Вас просто сбила машина. Будьте аккуратны в следующий раз и дорогу переходите, а не перебегайте. У вас множественные ушибы, но в остальном все в порядке. Денек отлежитесь у нас в больнице, и мы вас отпустим.

- Я не могу, - отказываюсь, - у меня завтра важные встречи. Да и сегодня тоже, если я еще успею на них.

- Пап, хватит работать, - опять слышу детский голосок. – Отдыхать тоже нужно. Ты совсем себя не бережешь.

- Замолчи! – кидаюсь криком на ребенка, чем пугаю ее. Тут же остываю. – У меня нет детей. Я тебя не знаю. В первый раз вижу.

- Ты просто не знал о моем существовании, - пожимает плечами девочка. – Мама воспитывала меня вместе с бабушкой и дедушкой. А как только я узнала, что именно ты мой папа, тут же приехала к тебе.

- Зачем? – смотрю на нее настороженно.

- Как зачем?! – округляет глаза девочка. – Я хочу, чтобы у меня был папа!

- Черте что.., - буркаю себе под нос и в очередной раз дергаюсь от боли. – У меня хоть ребра целы?

- Целы, - кивает врач. – Правда, вы сильно кричали от боли, поэтому вам пришлось дать успокоительного. Но ваша дочь настаивала, чтобы вы не просто успокоились, но и отдохнули, поэтому влили в вас чуть больше.

Врач слегка тушует за провинность и косится на рыженькую девочку. Что-то мне подсказывает, что они мне тут не только успокоительного влили. Не удивлюсь, если введенный мне препарат вызывает побочным эффектом галлюцинации. Рыженькой девочки просто нет в палате. Она мне кажется. Ее нет!

- А вы точно мне успокоительное вкололи? – спрашиваю, прищурившись, тем самым давая понять, что я их раскусил.

- Точно, - улыбается мужчина и собирается уходить. – Я пойду. Меня ждут другие пациенты. Ваша дочь – молодец. Она так заботится о вас.

Меня передергивает от слова «дочь». У меня нет детей. Точнее – нет родных детей. А эта рыженькая определенно претендует на прямое наследование моей жилой и нежилой площади в будущем. Решаюсь на откровенный разговор, когда девчушка садится на стул, предварительно подставив его к кровати поближе.

- Как тебя зовут? – спрашиваю тихо.

- Вера, - заявляет ребенок с улыбкой.

- Сколько тебе лет?

- На днях исполнилось двенадцать.

- Откуда ты? – задаю самый страшный для меня вопрос.

- Из Нижнего Новгорода!

На секунду сердце останавливается. Потом начинает резко и быстро пульсировать, вызывая у меня отдышку. Наверное, я поседел сразу, в одну секунду, поскольку девчушка начала за меня беспокоиться:

- Пап, ты чего?

Она подскакивает на стуле, тут же хватая стакан с водой, стоящий на тумбочке возле кровати, и подает мне. А я в этот момент даже вдоха сделать не могу.

- Вот, пап, выпей! – подсовывает мне стакан под нос.

Но у меня будто самый настоящий приступ паники, поскольку только хуже становится. От ее «пап» в груди все гореть начинает. Давно еще читал, что когда у человека горит в груди – это первый признак инфаркта. Не обманули. Скорее всего, так и есть, потому как перед глазами все плыть начинает. А вода в меня так и не влезает. Я даже глотка не могу сделать.

- Пап, я сейчас за врачом сбегаю! – практически кидает в меня стаканом Вера и уже стартует в сторону двери, но я ее быстро останавливаю, удержав за руку.

- Не... Не..., - из меня только слабый шепот идет.

- Тогда пей водички, - уже настойчиво просит Вера, обхватив стакан одной рукой и практически прижав к нему мою голову второй.

А девочка умеет быть настырной. Во всяком случае в меня все же влилось пару глоточков воды, отчего стало значительно лучше.

- От-ку-да?.. – еле слышно опять интересуюсь.

- Из Нижнего Новгорода, - говорит она уже тише.

Я невольно икаю. Это мой город. Я в нем родился. Девчушка рыжая. От слова «совсем». Поэтому становится страшно от мысли, что я могу быть папой. Самым настоящим.

Дальнейший разговор не клеится. Точнее, я молчу, попивая водички из стакана, а Вера рассматривает меня с легкой улыбкой. Чую, что хочет сказать мне что-то колкое... И не ошибаюсь.

- А у тебя такая реакция от осознания того, что это может быть правдой? – лукаво интересуется девочка.

Для своих двенадцати она совсем какая-то взрослая.

- А тебе точно двенадцать? – уточняю на всякий случай.

- Да, - протяжно отвечает, принимаясь наматывать локон на палец. – А тебе свидетельство о рождении показать?

- А оно с собой что ли? – вскидываю бровями.

- Конечно! – Вера смотрит на меня как на дурака. – Я что, по-твоему, должна без документов по Москве гулять?

- Логичнее, что документы будут у твоей мамы. Пока вы вместе по Москве гуляете, - уточняю, даже приподняв указательный палец. – Где твоя мама?

Реакция девчушки заставляет скукожиться изнутри. Вера смотрит на меня то ли испуганным взглядом, то ли взглядом сожаления. Еще мгновение и будто заплачет.

- Вера..., - начинаю осторожно, - твой взгляд меня пугает...

Глава 6. Артем

- Вера.., - начинаю осторожно, - твой взгляд меня пугает...

- Пап, - тут же оживает Вера, - обещай, что ругаться не будешь! Я, конечно, тебя впервые вижу, но мне кажется, что ты добрый папа!

Вот и первые звоночки... Эта девчонка планирует выжать из меня все, что только сможет. Признание, любовь, подарки, деньги...

- Я постараюсь сильно не кричать, - говорю тихо и с улыбкой. Мне нужно расположить к себе незнакомку, чтобы понять, действительно ли она может быть моей дочерью. – Тем более, что у меня, кажется, все равно ребра сломаны. Вздохнуть полной грудью для крика не смогу.

- Ладно, - машет она рукой, - будем считать, что я поверила в твою беспомощность.

А девчонка умна не по годам. Во всяком случае речь у нее существенно отличается от манеры общения сверстников. Мне это знакомо. Нельзя сказать, что я вообще ничего не знаю о детях.

- Я ничего не сказав маме, бабушке и дедушке поехала в Москву. Оставила только записку, что уехала к папе. То есть к тебе.

У меня начинается новый приступ паники. Я опять хватаю воздух ртом и не могу нормально вздохнуть. Вера вновь подсовывает мне под нос стакан с водой и помогает сделать глоток. При этом я слышу ее взволнованное:

- Паааап, ну нельзя же быть таким впечатлительным...

Это меня отрезвляет, и я начинаю практически кричать:

- Хватит! Я не собираюсь участвовать в этом фарсе! Я тебя не знаю! Ты незнакомый ребенок, не достигший возраста согласия! Сидишь возле моей кровати! А я, между прочим, практически известная личность! Мне проблемы с малолетками не нужны!

- Пап, ты чего? – смотрит Вера на меня непонимающе. – Какого согласия? Я на все согласна!

- Уууу, - взываю от отчаяния.

Я и убежать отсюда не могу, потому как чувствую сильную боль буквально везде, по всему телу. Брехня все это, что нет серьезных повреждений! Как минимум перелом позвоночника! На мое счастье в палату входит Пашка.

- Паша! – кричу ему. Я еще никогда так рад не был при виде друга. – Паша, спаси меня!

Паша улыбается, поглядывая то на Веру, то на меня:

- Что случилось? Тебя так растрогала забота дочери?

Пашка будто ухмыляется надо мной. А мне совсем не смешно! Нас же привлекут к ответственности. У меня в палате сбежавший из дома ребенок, которого наверняка ищет полиция. А главное – обеспокоенная мать, которая когда найдет, может обвинить меня во всех смертных грехах человечества и взрослых поползновений по отношению к маленьким девочкам. Я откровенно этого боюсь больше всего. Мне страшно. Я хочу в Думу. А не в тюрьму. А учитывая мой статус на данный момент, конкуренты постараются и доведут ситуацию до ее логического завершения. До тюрьмы.

Поскольку все мои страхи прошли только в голове, выдаю непонятное другу предупреждение:

- Паша, в случае чего, я тебя с собой заберу. Будешь вместе со мной любоваться небом в клеточку.

Обижаюсь на реакцию друга, скрещиваю руки на груди и отворачиваюсь к стене.

- Ну что, Верочка, твой папа капризульничает.., - начинает сюсюкать Пашка. – Сходи, пожалуйста, в буфет и купи ему шоколадку. От сладкого у него настроение поднимается.

- Хорошо! – слышу радостное ребенка.

- Стой, Вер! – кричит Пашка ей вслед. – Деньги-то возьми.

- Не надо! У меня есть!

- Надо же, - протягивает друг, усаживаясь на стул после того, как за Верой закрылась дверь, - и не жадная.

Поворачиваю голову к Паше и не могу понять его радостной физиономии.

- Паша, а чего такого веселого происходит? – нападаю на друга.

- Ничего такого, - улыбается друг, - кроме того, что ты наконец-то стал отцом. Настоящим отцом!

- Меня это не радует вообще, - отрицательно качаю головой. – Я понятия не имею, откуда она взялась.

- Как это? Хочешь сказать, что даже не спросил, откуда она? – Паша ловит меня на вранье.

– Если ты не знаешь, я расскажу. Ее зовут Вера, она из Нижнего Новгорода. А ее мать зовут...

- Тихо! – прерываю поток информации от друга.

- Аааа, - тут же раскусывает меня друг, - ты боишься узнать имя ее матери. Ты боишься признавать факт отцовства.

- Паша, я публичный человек, - начинаю оправдываться. – Обо мне написано в газетах. Интернет пестрит моими портретами. Повсюду подробно приводится моя биография. Эта девочка могла просто найти похожего на нее публичного человека. Прочитать, откуда он родом, и представиться дочерью. Ты видел ее документы? Откуда ты можешь знать в точности, что она именно из Нижнего Новгорода?

- Хочешь сказать, что Вера самозванка? – слегка с улыбкой журит меня друг. – Тёёёмыч... Я был о тебе лучшего мнения...

Пашка уже откровенно смеется. Ему смешно! Конечно! Не его же сегодня сбили. Не у него же нашлась дочь! Не его же теперь будут обсуждать в прессе!

- Паша..., - только пытаюсь ему грозить гневно, но ничего не получается, потому как смех все заглушает.

- Тём, я просто думаю, - пытается что-то сказать мне друг сквозь истерику, - а что с тобой будет, когда объявится мать Веры? Учитывая твоё предынфарктное состояние сейчас, при виде бывшей ты, наверное, в кому впадешь!

- И впаду! Имею право! – пуще прежнего сержусь на друга. – Посмотрел бы я на тебя, окажись ты в подобной ситуации.

- Я был бы рад, - говорит Пашка уже спокойнее. – В конце концов, дети – это всегда хорошо. В любом возрасте.

- Ты просто не воспитывал их, - поднимаю указательный палец. – А мне приходилось. И судя по их отношению ко мне сейчас, это далеко не легкое занятие. Одно неверное слово или движение и все! Контакт потерян! Доверие подорвано. Пропасть. Пустота.

- Вот и не делай глупостей больше! – восклицает друг. – Один раз набедокурил и хватит!

- Где я набедокурил?! – смотрю изумленно.

- Как где?! – опять ухмыляется Пашка. – В Нижнем Новгороде! Когда девушку беременную бросил!

- Черт! Паша! – злюсь на него, потому как друга опять раззадоривает вся ситуация, и он просто закатывается смехом.

Но высказать все другу не успеваю, потому как в палату буквально влетает Вера:

- Вот! – кричит девочка. – Купила! Пап, я не знала, какой шоколад ты любишь, поэтому купила свою любимую! Надо же нам больше узнавать друг друга!

Пашка аж покраснел весь от смеха. Практически со слезами на глазах он выползает из палаты, чтобы прийти в себя и успокоиться. И все бы ничего, но вот Вера протягивает мне четыре мои любимые шоколадки. В зелененькой упаковке с фундуком.

- А зачем четыре? – испугавшись в очередной раз возможного родства, тихо интересуюсь.

- Ну как же?! Одна тебе. Одна мне. Одна дяде Паше. А одна врачу! Должны же мы отблагодарить его за работу. Бабушка всегда после выписки из больницы врачу коробку конфет дарит. Конфеты в коробке были, - кивает она головой, - но срок годности совсем на исходе. Не подарим же мы такое.

Даже не знаю – радоваться или плакать такому подарку судьбы...

Глава 7. Кира

- Кир, я должен знать, кто отец Веры! – практически кричит на меня Егор.

Он так и не отдохнул после дороги. Мы заселились в гостиницу на окраине Москвы просто потому, что она была на пути нашего следования. Желания проехать дальше, где можно попасть в пробку, не было. Хотелось хотя бы сесть с вытянутыми ногами. Егор выглядел уставшим. Но факт, что он отправился со мной на поиски моего ребенка, меня подкупал. Что-то приятное внутри разливалось от осознания помощи мне. Он не оставил меня в трудную минуту. Возможно, его предложение, сказанное ранее, о необходимости продвинуться нам уже в отношениях дальше, не останется мною без внимания.

Но вот больше трех часов мы выясняем, кто отец Веры. А я не хочу об этом говорить. У нее нет отца! Нет и все!

Когда Воронов стал кидаться в меня угрозами оставить ни с чем, я молча вышла из машины. Молча проходила всю беременность. Молча родила. Молча воспитываю. Только от общих знакомых узнала, что он уехал с семьей в Москву. А вскоре после этого увидела в газетах заголовок, что известный владелец сети магазинов оптики продал свое детище и решил стать политиком. Теперь он известный. Его часто показывают по телевизору, в экран которого я постоянно вглядываюсь во время ссоры с Егором.

- Кира! Ты слышишь меня?!

Я дергаюсь от его голоса, но не боюсь гневного настроя. Наоборот, начинаю отвечать ему, хотя делаю это тихо и без эмоций.

- Зачем тебе нужно это знать?

- Кира, - начинает говорить он спокойнее и настороженно, - твоя дочь захотела, чтобы я стал ее папой. А я не могу так. Мне нужно знать, чье место я должен занять.

- Ничье, - отбрыкиваюсь от него, но тут же вспыхиваю, - постой! Когда Вера с тобой об этом говорила?!

- На дне рождения, разумеется! – разводит он руки в стороны.

Мы сидим в кровати, не раздевшись после дороги. Принимать душ нет сил. Мы не спали ночь. Егор хотел отдохнуть, поэтому он улегся сразу, скинув только пиджак и попросив меня не включать телевизор. Но я его ослушалась. Тут же щелкнула кнопку пульта и даже не обратила внимания на его недовольное лицо. Все это время мы сидим с вытянутыми ногами и выносим мозг друг другу. Точнее он задает мне вопросы, а я молчу. Молчу и щелкаю каналы в поисках передач новостей.

- Как это она попросила тебя стать ее папой?

Все недоумеваю, поскольку не ожидала подобного от своей дочери. Все, что угодно, но Егора она не приняла с любовью и восторгом, поэтому становится странным ее желание.

- Обыкновенно, Кир! – продолжает размахивать руками Егор, сидя в прежней позе. – Так и сказала, что хочет, чтобы я стал ее папой!

- Дословно.

- Что дословно? – смотрит непонимающим взглядом.

- Скажи мне дословно, что она тебе сказала, - прошу спокойно, но требовательно.

- «Дядя Егор, а вы не хотите стать моим папой?», - говорит Егор, слегка кривляясь.

- А ты что ответил? – смотрю на него пристально.

- А я.., - тушует Егор, - сказал, что это должна решать твоя мама.

- И все? – хмурю брови.

- Еще добавил, что «если твоя мама согласится на мое предложение, то так оно и будет», - слегка улыбается он.

Удивительно, как быстро человек изменился в своем отношении к происходящему. Он готов был рвать и метать, но стоило только поговорить с ним, и уже настроение его улучшилось. Наверное, мне не стоит быть такой закрытой в этом вопросе. Может, стоит ему все рассказать?

Я не успеваю принять решение, когда начинаются сводки новостей и на экране появляется он. Воронов.

- Сегодня произошло дорожно-транспортное происшествие на Ленинском проспекте, - говорит репортер. – В аварии пострадал известный депутат Воронов...

Дальше слушать не могу. В голове паника. В груди сердце защемило. А на экране телевизора только покореженный автомобиль и осознание того, что во время аварии с ним могла быть моя дочь. Медленно меняю положение, вставая на четвереньки. Ползу вперед по кровати, вглядываясь в экран, но по факту мне показывают только фото Воронова. Самого его в кадре нет.

- Пострадавших увезли в больницу имени Пирогова...

Пострадавших...

- Кир... Ты чего?

Слышу что-то отдаленное. Оборачиваюсь. Егор сидит, приблизившись ко мне, и смотрит изучающе. Он слегка насупил брови, понимая и домысливая.

- Это Воронов? – спрашивает шепотом, но тут же сам дает себе ответ. – Конечно! Это Воронов!

Егор подскакивает с кровати и начинает метаться по номеру, одновременно обхватив голову руками и взъерошивая свои волосы.

- Он же с Нижнего..., - посматривает на меня, хватая громко воздух. – У него же сеть оптик была по всей России. А в нашем Новгороде центральный офис! Только я понять не могу... Как ты его охмурила-то?!

Вот на этих словах я опешила. Даже не знаю: восхищается он мной или брезгует? Хвалит или оскорбляет?

- Как понимать тебя сейчас? – уточняю.

- Обыкновенно, Кир! – восклицает Егор. – Ты далеко не модельной внешности! На что он запал?!

- Мне нужно обидеться на это? – спрашиваю у него, потому как пребываю в шоке и вообще не знаю, как реагировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.